

Vestnik drevney istorii
79/2 (2019), 481–501
© The Author(s) 2019

Вестник древней истории
79/2 (2019), 481–501
© Автор(ы) 2019

DOI: 10.31857/S032103910006757-5

M. TVLLII CICERONIS
PRO REGE DEIOTARO
М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЦАРЯ ДЕЙОТАРА

*Вступительная статья, перевод с латинского
и комментарии Е.В. Смыкова*

Речь *Pro rege Deiotaro* – последняя судебная речь, прозвучавшая из уст Цицерона. Она относится к числу *orationes*, произнесенных перед Цезарем в защиту бывших соратников Помпея. Эти речи обычно не относят к шедеврам ораторского искусства Цицерона; как отмечает М.Е. Грабарь-Пассек, все три его «цезарианские» речи «не [так] многословны, как речи предыдущего периода; напротив, они просты и ясны по построению, а доказательство – местами, правда, совсем не убедительное – ведется без всяких отклонений, четко и точно... Язык этих речей тоже, вероятно, подделан под вкус аттикиста Цезаря, он проще, чем обычно, фразы короче и не столь патетичны; почти отсутствуют возгласы и риторические вопросы»¹. Речь в защиту Дейотара занимает среди этих речей особое место: в отличие от двух других речей, где подзащитными были римляне Кв. Лигарий и М. Клавдий Марцелл, на этот раз оратор выступал адвокатом чужеземного монарха.

Ситуация усугублялась еще и тем, что Дейотар был хорошо известен всем присутствующим как старинный и надежный союзник, верой и правдой служивший

Eugeny V. Smykov,
Saratov State University,
Saratov, Russia

E-mail: Smykov61@list.ru

Е.В. Смыков,
к.и.н., доцент кафедры истории
древнего мира Саратовского
государственного университета,
Саратов, Россия

¹ Grabar-Passek 1959, 228.

римскому народу на протяжении почти полувека. Годы спустя Цицерон говорил: «Свое благоволение к римскому народу он доказывает едва ли не с момента своего рождения... С какой похвалой, с каким уважением и почетом не раз отзывались об этом муже Сулла, Мурена, Сервилий, Лукулл! Что же мне остается добавить о Помпее? Помпее, который считал Дейотара единственным истинным другом во всем мире, искренне преданным человеком, единственным верным и надежным союзником римского народа!» (Cic. *Phil.* XI. 33–34; пер. В.Г. Боруховича и Е.В. Смыкова). К этому можно добавить, что с Дейотаром встречался Марк Красс накануне своего рокового похода (Plut. *Crass.* 17. 2), его помощью пользовались сам Цицерон и М. Бибул (Cic. *Phil.* XI. 34), да и с Цезарем его связывало *vetus hospitium* (Cic. *Deiot.* 8) и то, что Цезарь во время своего консульства содействовал утверждению за ним царского титула. В гражданской войне, однако, Дейотар поддержал Помпея, чем навлек на себя немилость Цезаря и, несмотря на активное содействие Домицию Кальвину, а затем и самому Цезарю в борьбе с Фарнаком, был лишен части владений. После гибели Митридата Пергамского, ставленника Цезаря², перед Дейотаром открылась возможность вернуть утраченные позиции, и в 45 г. до н.э. он отправил посольство во главе с Блесамием в Испанию, в Тарракон, где в это время находился Цезарь³.

Как кажется, царь мог рассчитывать на успех – Цезарь вручил Блесамию обнадеживающее письмо для него⁴. Но тут судьба нанесла новый удар по надеждам Дейотара: он стал жертвой обвинения. Обвинителем выступил его собственный внук Кастор, сын Кастора Таркондария. Если пока оставить в стороне частности, обвинение сводилось к двум пунктам: Дейотар всегда был врагом Цезаря, а когда Цезарь посетил его владения, замыслил убийство своего высокопоставленного гостя. По-видимому, это обвинение было реакцией на притязания Дейотара на тетрархию трокмов, которую семья Кастора тоже была не прочь получить⁵. Поданный Цезарю донос должен был если не окончательно погубить престарелого царя, то во всяком случае вбить новый клин между ним и Цезарем.

«Дело Дейотара» сразу же поражает своим несоответствием традиционной римской юридической практике. Цицерон, произнося свою речь, во вступлении к ней усиленно подчеркивал необычность всей процедуры, которая заставляет его волноваться сильнее, чем обычно⁶. Если отбросить риторичность, то оснований для волнения у великого оратора действительно было более чем достаточно. Прежде всего встает вопрос, к какой категории судебных дел отнести дело Дейотара. Но тут же возникает встречный вопрос, было ли вообще судебное дело. Цицерон заявляет: «Я защищаю жизнь и положение царя, и хотя эта защита вполне законна сама по себе... то, что царь обвиняется в уголовном преступлении, столь необычно, что до сих пор было просто неслыханным делом» (*Deiot.* 1). Если перевести риторическое

² Большинство исследователей относят его гибель к 46 г. до н.э., причем произошло это скорее всего во второй половине года, летом или осенью (Hoben 1969, 102).

³ Вероятно, в состав этого посольства входил и Антигон, упомянутый в конце речи (Cic. *Deiot.* 41), поскольку он и Блесамий характеризуются как «уже давно известные» (*iam diu noti*) Цезарю. Формально эти же слова относятся и к Гиерасу, но о Деметрии говорится, что он недавно (*nuper*) прибыл вместе с Гиерасом; таким образом, он возглавлял второе посольство. Что касается доносчика, врача Фидиппа, то он скорее всего входил в состав первого посольства, хотя сговорился ли он с Кастором уже в Риме или еще в Галатии, сказать невозможно.

⁴ Cic. *Deiot.* 38. Правда, во второй «Филиппике» оратор утверждает, что Дейотару не удалось добиться ни справедливого, ни доброго отношения к себе со стороны Цезаря (Cic. *Phil.* II. 94), но это, вполне возможно, связано с тем, что решение, о котором царь просил, так и не было принято при жизни диктатора.

⁵ Syme 1995, 134; Gotoff 2002, 253. Р. Сайм предполагает, что обвинение преследовало и неполнительную цель: скомпрометировав Дейотара, бросить тень также на его невиновного сына и тем самым устранить его как возможного наследника всех отцовских владений (Syme 1995, 134).

⁶ По наблюдению Х. Ботерман, тон в этой части речи (§ 1–7) задают слова, которые выражают разные оттенки опасения: *perturbant*, *timor* (1); *conturber* (2); *extimescebam* (3); *perturbat*, *timere*, *metum*, *timeo* (4) и т.д. (Botermann 1992, 326).

«неслыханное дело» на строгий язык права, мы должны констатировать: никаких прецедентов дела Дейотара в римской судебной практике не существовало. Более того, в этом деле мы видим целый набор юридических сложностей начиная с того, какой именно суд должен был рассматривать обвинение царя в уголовном преступлении⁷. Однако Цицерон с самого начала сознательно строит выступление так, будто речь идет об обычном уголовном деле – в противном случае все его жалобы на отступление от стандартной судебной практики не имели бы смысла⁸.

Согласно римскому праву, обвинение, подобное тому, которое выдвинул Кастор против своего деда, могло быть обвинением в *perduellio*, *maiestas* или *vis*⁹. Но речь Цицерона не содержит никаких указаний на то, к какой категории относится дело его подзащитного. Кроме того, все эти обвинения можно было выдвинуть лишь против римского гражданина, но не против чужестранца, тем более царя¹⁰. Даже если Кастор расширил обвинение, утверждая, что Дейотар готовил армию против Цезаря и был враждебен ему¹¹, это не снимает вопроса о том, на каком основании суверенного монарха судил бы римский суд. Следует иметь в виду и то, что одним из обвинителей выступал чужестранец, а вторым – раб. Последнее по римским законам и обычаям было совершенно немыслимо, на что Цицерон указывает в своей речи, справедливо подчеркивая опасность подобного прецедента¹². Что касается Кастора, то его прямое выступление в качестве обвинителя по уголовному делу тоже было противоправным: гражданские иски чужеземцев рассматривал *praetor peregrinus*, в остальных случаях в рассмотрении дел участвовал сенат, где интересы иностранных клиентов представлял их патрон. Между тем из речи Цицерона следует, что обвинители в той или иной форме держали речь перед Цезарем (*Deiot.* 8)¹³.

Дело рассматривалось в отсутствие обвиняемого: его представлял Гиерас, приближенный царя, срочно присланный в Рим во главе еще одного посольства, и другие послы, а адвокатом выступал Цицерон, для которого защита старого друга и бывшего помпеянца была делом чести¹⁴. Слушание происходило в ноябре 45 г. до н.э., причем местом для него был назначен дом Цезаря, что тоже было необычно: судебный оратор тем самым вырывался из привычной среды и лишался поддержки многочисленных слушателей (*Cic. Deiot.* 5–6). Судя по тексту речи Цицерона, это слушание происходило в очень узком кругу. Помимо самого Цезаря, Цицерона, Кастора и послов Дейотара, в качестве свидетелей со стороны защиты присутствовали несколько представителей римской аристократии: Гн. Домиций Кальвин, Сервий Сульпиций Руф, Т. Торкват (*Deiot.* 32).

В общем, как справедливо отметил П. Маккендрик, «в этой речи нет даже намека на юридическую процедуру. Это, в сущности, некое слушание, основанное на произволе (*a star-chamber hearing*)»¹⁵. Мысль о несоответствии дела Дейотара римским юридическим нормам не нова. Она приобрела значительную популярность во второй половине XX в. в связи с характерными для эпохи политическими реалиями и особенностями рецепции образа Юлия Цезаря в европейской культуре этого времени. Как показал Е.А. Чиглинец, в эпоху господства режимов личной власти

⁷ Bringmann 1986, 82–83.

⁸ Coşkun 2005, 145.

⁹ Gotoff 2002, 254. Об этих понятиях см. Bartošek 1989, 242, 408, 432.

¹⁰ Bringmann 1986, 73.

¹¹ Gotoff 2002, 254.

¹² Цицерон особо подчеркивает, что против господина раб не может свидетельствовать даже под пыткой (*Deiot.* 3). О применении пыток к рабам для получения показаний см. Greenidge 1901, 377–378, 479–480, 491–492.

¹³ П. Маккендрик утверждает, что Кастор выдвинул обвинение заочно и отсутствовал в Риме во время процесса (McKendrick 1995, 442, 443). Однако в речи Цицерона содержатся обращения к нему, которые недвусмысленно указывают на его присутствие среди слушателей (*Deiot.* 28, 29, 30, 32).

¹⁴ McKendrick 1995, 442.

¹⁵ McKendrick 1995, 443.

в Италии и Германии образ Цезаря приобрел черты национального лидера фашистского толка; после победы над фашизмом, наоборот, он использовался для критики фашистских идей и — шире — режимов личной тиранической власти вообще¹⁶. Историография, прежде всего немецкая, не осталась в стороне от этих идей. Применительно к речи Цицерона, произнесенной в защиту Дейотара, эта тенденция выразилось в том, что у оратора стали искать некий антицезарианский подтекст, подменяя тем самым историческую конкретику актуальной для XX столетия проблемой отношения интеллигента к авторитарной/тоталитарной власти. Так, еще О. Зеель в биографии Цицерона, вышедшей первым изданием в 1954 г., усматривал во многих пассажах речи Цицерона двусмысленность, иронию и «дерзкую беспомощность» (*dreister Tolpatsichkeit*). Речь, с его точки зрения, выявляет «мучительное противоречие между вынужденным панегириком и придиричьей критикой»; Цицерон оказался не в состоянии понять и принять «харизматически обоснованной, мифически санкционированной монархии современного божества». В целом весь процесс Дейотара дает нам образчик «тоталитарной юстиции»¹⁷.

Э. Ольсхаузен более сдержан, но все-таки и он видит в речи второй план. Не отрицая эlegantности и остроумия речи там, где непосредственно опровергаются обвинения, возводимые на Дейотара, он все-таки большее значение придает ее подтексту, пассажам, в которых оратор «с едва прикрытой агрессивностью критикует Цезаря». По его мнению, именно эта критика была для Цицерона главной, он использовал дело своего клиента как предлог для политического выступления, как «фон для своих политических причитаний» над положением дел в государстве под господством Цезаря. Этот подход развивает Х. Ботерман, основная мысль которой выражена уже в заголовке статьи: «Окончательный расчет с тираном». Она соотносит речь за Дейотара с философскими диалогами Цицерона, написанными в то же самое время. С ее точки зрения, повод к удивлению дает не только политическая заостренность речи, которая идет скорее во вред основной цели — отстаивать интересы обвиняемого. Все жалобы Цицерона взаимосвязаны, и их можно рассматривать как окончательный расчет с Цезарем и его государством: «Это никакое не государство, не правовое государство, а тирания»¹⁸.

Поиски скрытых аллюзий и символического смысла в речи Цицерона заметно активизировались в последние десятилетия XX в.¹⁹ При этом нельзя не отметить заведомую публицистичность многих работ такого рода. Как совершенно справедливо указал А. Джошкун, «анахронизмом является... предпосылка, согласно которой свобода совести или речи при диктатуре Цезаря была стеснена настолько же, насколько при тоталитарных режимах XX в., и потому критика была возможна лишь зашифрованная»²⁰. К этому стоит добавить, что ни в коем случае нельзя не учитывать или воспринимать как что-то второстепенное и сам характер речи. Цицерон имел вполне определенную цель — добиться оправдания клиента или, скорее, отклонения обвинения²¹ — и при этом, будучи опытным адвокатом, не позволил бы себе в выступлении ничего, что пошло бы во вред его клиенту, во всяком случае, прецедентов тому в других его защитительных речах нет. Насколько искренен он был в своих дифирамбах Цезарю, вопрос другой и, пожалуй, не имеющий однозначного решения, но любую иронию чуткое ухо Цезаря, который сам неоднократно выступал в роли судебного оратора и был талантливым писателем, несомненно,

¹⁶ Chiglintsev 2009, 264–284. К интереснейшим наблюдениям автора можно было бы добавить и то, что в современном кинематографе образ Цезаря тоже все чаще предстает как образ тирана.

¹⁷ Seel 1961, 349–353.

¹⁸ Botermann 1992, 323.

¹⁹ Подборку выразительных характеристик из литературы этого времени см. Coşkun 2005, 130–131, Anm. 10.

²⁰ Coşkun 2005, 131.

²¹ Coşkun 2005, 136.

уловило бы. Наконец, еще одно соображение. Современный исследователь находится в выигрышном положении в том смысле, что ему известен корпус сочинений Цицерона, он может сверить цитату, найти параллели и т.п. Ничего этого в распоряжении людей, которые непосредственно воспринимали речь Цицерона, не было²², а предположение, что они знали его произведения наизусть и моментально ориентировались в хитросплетениях его риторики, совершенно невероятно.

Вернемся к исходному вопросу. Если дело Дейотара не соответствует, на первый взгляд, нормам ведения судебных дел в Риме, но вместе с тем его нельзя интерпретировать и как проявление судебного произвола со стороны нарождавшегося в то время режима личной власти, чем же оно являлась? Видимо, следует согласиться с мнением, согласно которому рассмотрение обвинений в адрес Дейотара могло опираться на *cognitio extra ordinem* — процедуру, в ходе которой дело рассматривалось претором без участия судей²³. Лишь в случае признания претензий обоснованными дело поступало в суд и рассматривалось в обычном порядке²⁴. Таким образом, Цезарь не должен был выносить окончательное решение — поскольку внешняя политика формально все еще была прерогативой сената, окончательно судьбу царя, по-видимому, должен был решить этот орган. Так чем же объясняется личное вмешательство Цезаря и предварительное рассмотрение дела в его доме?

Г. Готоф обратил внимание на то, что рассмотрение обвинений в адрес царя римским магистратом отнюдь не было беспрецедентным²⁵. Объяснение поведению Цезаря можно найти в его собственном описании другого разбирательства, имевшего место в Египте тремя годами ранее: «Между тем он был убежден, что спор между царями (Птолемеем XIII и Клеопатрой. — *Е. С.*) принадлежит решению римского народа и его консула, и тем более входит в его обязанности (*eo magis officio suo convenire*), что именно в его предыдущее консульство, по постановлению народа и сената, был заключен с Птолемеем-отцом союз» (*Caes. BC. III. 107. 2*; пер. М.М. Покровского с изменениями). Итак, основанием для вынесения решения в споре царей здесь является то, что Цезарь некогда оказал услугу их отцу. Характерно, что цари покорно принимают волю Цезаря (последовавшее вскоре восстание — это уже совсем другая история). Не такова ли ситуация и с Дейотаром? Цезарь считает царя обязанным ему (о чем уже напоминал при личной встрече!), в Галатии возникли трения между властителями, связанные с территориальными претензиями и усугубленные обвинением в политическом преступлении, и диктатор рассматривает вопрос подобно тому, как он поступил со спором юных Птолемеев. Возможно, обвинение в покушении на жизнь Цезаря вообще имело второстепенную важность, а главным для оратора было убедить диктатора в дружеском отношении к нему Дейотара²⁶. Такая интерпретация снимает все вопросы процессуального характера и объясняет, почему по делу не было принято никакого решения.

Была ли возможность у Кастора ответить на нее, выступал ли кто-либо еще и как отреагировал на речь Цезаря, мы не знаем²⁷. Здесь сложно даже предполагать что-либо. Год спустя Цицерон утверждал: «Цезарь — ведь я всегда заступался перед ним за Дейотара в его отсутствие — не признавал справедливой ни одной моей просьбы

²² Зато слушатели Цицерона могли оценить еще одно выразительное средство его речей, недоступное нам: интонацию оратора. Безусловно, некоторые вполне невинные на первый взгляд фразы, будучи произнесены с особой интонацией, могут приобрести совершенно иной смысл, восприниматься как сарказм и т.п. Но в данном случае это не играет никакой роли, поскольку подобные выпады со стороны судебного защитника ничем не отличаются от других форм критики и вряд ли идут на пользу подзащитному.

²³ Gotoff 2002, 255.

²⁴ Greenidge 1901, 98–99.

²⁵ Gotoff 2002, 255, n. 113.

²⁶ McKendrick 1995, 442–443.

²⁷ «Юлию Цезарю пришлось выслушать с бесстрастным видом этот панегирик в адрес жестокого и мстительного властителя, полугрека, полуварвара как безобидного старца, преданного римским интересам» (McKendrick 1995, 443).

в пользу царя»²⁸. По мнению Р. Сайма, Цезарь «не принял никакого решения — или, скорее, не объявил его»²⁹. Очень вероятно и то, что диктатор решил разобраться с ситуацией на месте, когда прибудет на Восток для похода в Парфию³⁰. При этом, если бы Дейотар оказал ему необходимую помощь против Цецилия Баса и парфян, у него были реальные шансы получить возжеленную тетрархию трокмов³¹.

Как бы то ни было, мартовские иды завершили этот этап биографии Дейотара³², и Цицерон столь же красноречиво, как прежде, доказывал теперь совершенно противоположные вещи: «Был ли кто-нибудь кому-либо большим недругом, чем Дейотару Цезарь, недругом в такой же мере, как нашему сословию, как всадническому, как массилийцам, как всем тем, кому, как он понимал, дорого государство римского народа? ...Царь Дейотар... ни лично, ни заочно — не добился от Цезаря при его жизни ни справедливого, ни доброго отношения к себе» (Cic. *Phil.* II. 94).

Литература / References

- Bartošek, M. 1989: *Rimское право: Ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Concepts, Terms, Definitions]. Moscow.
- Бартошек, М. *Римское право: понятия, термины, определения*. М.
- Botermann, H. 1992: Die Generalabrechnung mit der Tyrannen. Ciceros Rede für den König Deiotarus. *Gymnasium* 99, 320–344.
- Bringmann, K. 1986: Der Dictator Caesar als Richter? Zu Ciceros Reden „Pro Ligario“ und „Pro rege Deiotaro“. *Hermes* 114, 72–88.
- Chiglintsev, E.A. 2009: *Retseptsiya antichnosti v culture kontsa XIX — nachala XX vv.* [The Reception of Antiquity in the Culture of the Late 19th — Early 20th cent.]. Kazan'.
- Чиглинцев, Е.А. *Рецепция античности в культуре конца XIX — начала XX вв.* Казань.
- Coşkun, A. 2005: *Amicitiae* und politische Ambitionen im Kontext der *causa Deiotariana*. In: A. Coşkun (Hrsg.), *Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat*. Göttingen, 127–154.
- Fausset, W. 1893: *Cicero. Orationes Caesarianae: Pro Marcello, Pro Ligario, Pro rege Deiotaro*. With introduction and notes by W.Y. Fausset. Pt. 2. Notes. Oxford.
- Grabar-Passek, M.E. 1959: [Cicero]. In: *Istoriya rimskoy literatury* [The History of Roman Literature]. Vol. 1. Moscow, 178–233.
- Грабарь-Пассек, М.Е. 1959: Цицерон. В кн.: *История римской литературы*. Т. 1. М., 178–233.
- Gotoff, H.C. 2002: Cicero's Caesarian Orations. In: J.M. May (ed.). *Brill's Companion to Cicero. Oratory and Rhetoric*. Leiden—Boston—Köln, 219–272.
- Greenidge, A.H.J. 1901: *The Legal Procedure of Cicero's Time*. Oxford.
- Hoben, W. 1969: *Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden Republik*. Mainz.
- McKendrick, P. 1995: *The Speeches of Cicero. Context, Law, Rhetoric*. London.
- Niese, B. 1887: Straboniana. *Rheinisches Museum* 42, 563–602.
- Seel, O. 1961: *Cicero. Wort. Staat. Welt*. 2. Aufl. Stuttgart.
- Sullivan, R.D. 1990: *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C.* Toronto—Buffalo—London.
- Syme, R. 1995: Deiotarus. In: R. Syme, *Anatolica. Studies in Strabo*. Oxford, 127–136.

²⁸ Cic. *Phil.* II. 95. Кстати, эти слова возможно толковать и в том смысле, что слушаний было несколько (Gotoff 2002, 265, п. 138).

²⁹ Syme 1995, 134. Р.Д. Салливан предполагает, что решение не было принято благодаря поддержке, которую оказали Дейотару Брут и другие его влиятельные римские друзья (Sullivan 1990, 167). Само по себе это вполне вероятно, но никаких намеков на такую поддержку в источниках нет. А. Джошкун допускает, что Цезарь не намеревался передавать это дело в сенат или предавать его гласности: *homines novi*, которых в курии было более чем достаточно, вполне могли из подобострастия принять жесткое необдуманное решение, способное спровоцировать Дейотара на восстание. Сам диктатор к этому времени еще не имел целостной концепции умиротворения и обеспечения безопасности Востока (Coşkun 2005, 149).

³⁰ Niese 1887, 596; Sullivan 1990, 167.

³¹ Coşkun 2005, 152.

³² Как остроумно заметил У. Фоссет, «кинжал Брута оказался эффективнее, чем красноречие Цицерона» (Fausset 1893, 42).

При подготовке перевода и комментария использованы следующие издания: *Ciceros Reden für T. Annius Milo, für Q. Ligarius und für den König Deiotarus*. Erklärt von K. Halm. Berlin, 1857; *Ciceros Reden für M. Marcellus, für Q. Ligarius und für den König Deiotarus*. Hrsg. von Fr. Richter. Leipzig, 1877; *The Orations of Marcus Tullius Cicero*. Literally translated by C.D. Yonge. Vol. 3. London, 1891; *Cicero. Orationes Caesarianae. Pro Marcello, Pro Ligario, Pro rege Deiotaro*. With introduction and notes by W.Y. Fausset. Oxford, 1893; *Ciceros Rede für den König Deiotarus*. Erklärt von J. Strenge. Gotha, 1901; М. Туллий Цицерон. Речь в защиту царя Дейотара. С введением, примечаниями, 3 рисунками и географическими картами. Объяснил И.П. Цветков. Ч. 2. Комментарий. СПб., 1910; *Cicero. The Speeches with an English Translation. Pro T. Annio Milone – In L. Calpurnium Pisonem – Pro M. Aemilio Scauro – Pro M. Fonteio – Pro C. Rabirio Postumo – Pro M. Marcello – Pro Q. Ligario – Pro rege Deiotaro*. By N.H. Watts. (Loeb Classical Library). London–New York. 1931; *Cicero. Sämtliche Reden*. Eingeleitet, übersetzt und erläutert von M. Fuhrmann. Bd VII. Für Marcellus, Für Ligarius, Für den König Deiotarus, Philippische Reden. Zürich–München, 1982; Gotoff, H.C. *Cicero's Caesarian Speeches. A Stylistic Commentary*. Chapel Hill–London, 1993.

Сочинения Цицерона в комментариях цитируются в переводе В.О. Горенштейна, если не указано иное.

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ ЦАРЯ ДЕЙОТАРА

I. (1) Хотя во всех наиболее трудных делах, Гай Цезарь, я, приступая к речи, обычно волнуюсь сильнее¹, чем, как кажется, требуют мой опыт или мой возраст², но в этом деле в особенности меня приводит в замешательство столь многое, что, насколько моя верность³ прибавляет мне рвения для защиты царя Дейотара, настолько же страх лишает силы мое красноречие. Во-первых, я защищаю жизнь и имущество царя⁴, и хотя эта защита вполне законна сама по себе, по крайней мере учитывая угрожавшую твоей жизни опасность, но то, что царь обвиняется в уголовном преступлении, столь необычно, что до сих пор было просто неслыханным делом. (2) Во-вторых, того царя, которого до сих пор я обычно превозносил вместе со всем сенатом за его неизменные заслуги перед нашим государством⁵, теперь мне приходится защищать от чудовищного обвинения. Кроме того, меня приводит в смятение жестокость одного из обвинителей и низость другого. Жесток, чтобы не сказать, преступен и нечестив⁶, Кастор – внук, который навлек опасность на голову деда и, несмотря на свою

¹ Эти слова Цицерона не являются просто риторическим преувеличением. Причины своего волнения он раскрывает в речи «В защиту Клуенция»: «Бессмертные боги! Какое волнение, какая тревога, какой страх охватили меня! Правда, я всегда сильно волнуюсь, начиная свою речь; всякий раз, как я говорю, мне кажется, что я пришел отдать на суд не только свое дарование, но и свою честность и добросовестность; я боюсь, как бы вам не показалось, что я утверждаю то, чего не смогу доказать, а это свидетельствовало бы о моем бесстыдстве, или же что не достигаю того, чего мог бы достигнуть, а это можно было бы приписать моей недобросовестности или небрежности» (Cic. *Cluent.* 51). Ср. его общее суждение о волнении как свойстве хорошего оратора (*De orat.* I. 119–120).

² Цицерону ко времени произнесения шел 62-й год. Первая из его судебных речей, дошедшая до нас, – речь «В защиту Квинкция», произнесенная в 81 г. (здесь и далее – до н.э.). Таким образом, его ораторский стаж ко времени защиты Дейотара насчитывал не менее 35 лет.

³ В данном случае, говоря о *fides*, Цицерон имеет в виду верность адвоката своему клиенту (ср. *Cluent.* 19; *Lig.* 6).

⁴ Слова *carite fortunisque* являются стандартной юридической формулой и подразумевают всю полноту гражданских и политических прав римского гражданина. Цицерон противопоставляет в этой фразе обычность обвинения и необычность того, что обвиняемым является не просто рядовой человек, а царь.

⁵ Образец такого восхваления Цицероном Дейотара см. Cic. *Har. resp.* 29.

⁶ Кастор преступен (*scelus*) по отношению к деду как к человеку вообще, против которого он выдвинул ложное обвинение, но в данном случае его вина усугубляется тем, что он проявил нечестие (*impietas*), выдвинув обвинение против своего деда.

юность, внушил ужас тому, чью старость он бы должен был защищать и оберегать; вступая в жизнь, он запятнал себя нечестием и преступлением, побудил взятками продажного раба своего деда к обвинению в адрес господина, увел его у послов. (3) С другой стороны, так как беглый раб обвиняет господина, — и при этом господина отсутствующего, господина в высшей степени дружественного нашему государству! — когда я смотрел на его лицо, когда я слушал его слова, я не столько скорбел о жалкой участи царя, сколько боялся за нашу общую участь. Ведь хотя по обычаю предков не дозволено допрашивать раба против господина даже под пыткой⁷, пускай даже при таком допросе боль может вырвать правдивый голос и против воли, объявился раб, который того, на кого он не смог бы донести, будучи вздернут на дыбу⁸, обвиняет без всякого к тому принуждения!

II. (4) Между тем, Гай Цезарь, беспокоило меня и то, чего я перестаю бояться, вполне узнав тебя: ведь обстоятельства дела неблагоприятны для защиты, но твоя мудрость позволяет разобраться в них наилучшим образом. Действительно, если рассматривать это дело само по себе, тяжело говорить о преступлении, находясь перед тем человеком, против жизни которого, как утверждают, был направлен преступный замысел. Нет ведь почти никого, кто, разбирая дело, в котором речь идет об опасности, которой подвергнулся он сам, не проявил бы большую благосклонность к себе, чем к ответчику; но твоя, Цезарь, выдающаяся и единственная в своем роде натура уменьшила этот мой страх. Ведь я не столько боюсь того, что ты будешь вершить суд над царем Дейотаром, сколько понимаю, что ты хочешь, чтобы о тебе хорошо судили все прочие. (5) Смущает меня и необычность самого места, потому что о столь великом деле, которое никогда прежде не рассматривалось в суде, я говорю внутри домашних стен, я говорю вне судебного заседания и того скопления людей, от которого обыкновенно зависит рвение ораторов⁹: в твоих глазах, в твоём лице и взгляде нахожу я успокоение, на тебя одного я обращаю внимание, к тебе одному обращена вся моя речь! Это очень важно для моей надежды на достижение истины, но оказывает меньшее воздействие на мое душевное волнение, а также на всю страстность и напор, с которыми речь произносится. (6) И действительно, Г. Цезарь, если бы я выступал по этому делу на Форуме, а ты одновременно и слушал, и решал, сколь большую помощь оказало бы мне воодушевление римского народа! Ведь кто из граждан не рукоплескал бы этому царю, вспомнив, что вся его жизнь прошла в войнах римского народа? Я взирал бы на курию¹⁰, обращался

⁷ Ср. Сис. *Mil.* 59: «Предки наши запретили допрашивать раба с целью получения показаний против его господина, но не потому, что не было возможности таким образом добиться истины, а так как это казалось им недостоинным и более печальным, чем сама смерть господина».

⁸ Словом «дыба» в русских переводах традиционно передается лат. *esculeus*, 'лошадка'. Пытка с использованием этого приспособления заключалась в том, что человека сажали на заостренную кромку трехгранного бревна и к не достающим до земли ногам привязывали тяжелый груз.

⁹ Ср. характеристику значения обстановки, в которой произносится речь, в «Диалоге об ораторах» Тацита: «Оратору необходимы возгласы одобрения и рукоплескания и, я бы сказал, своего рода театр; все это ежедневно выпадало на долю ораторов древности, когда одновременно столько и притом столь знатных мужей теснилось на форуме, когда клиенты, и трибы, и даже представители муниципиев, и, можно сказать, половина Италии оказывали поддержку представшим пред судьями, когда при разбирательстве многих дел римский народ считал для себя исключительно важным, какой именно приговор будет вынесен судьями. Хорошо известно, что Гай Корнелий, и Марк Скавр, и Тит Милон, и Луций Бестия, и Публий Ватиний были осуждены или оправданы при стечении всего Рима, так что даже самых бесстрастных ораторов смогли расшевелить и разжечь не затухавшие в народе жаркие споры» (Тас. *Dial.* 39; пер. А.С. Бобовича).

¹⁰ *Curia Hostilia* — расположенное в северо-восточном углу Римского форума здание для заседаний сената, строительство которого традиция приписывала Туллу Гостилию, третьему римскому царю. Находилось по левую руку от оратора, который выступал перед рострами.

к Форуму, наконец, само небо призывал бы в свидетели! При таких обстоятельствах, когда я принял бы во внимание милости, и ниспосланные царю Дейотару бессмертными, и дарованные римским народом и сенатом, я ни в коем случае не мог бы ощущать недостатка в красноречии. (7) Но так как стены ограничивают его, и выступление по столь важному делу ослабляется местом, где оно происходит, от тебя, Цезарь, — ты ведь и сам выступал часто и в защиту многих!¹¹ — зависит сделать так, чтобы как твое беспристрастие, так и внимание к моей речи легко уменьшили это мое волнение.

Но прежде чем говорить о самом обвинении, я вкратце скажу о надеждах обвинителей. Хотя, как кажется, они не имеют ни дарования, ни навыка или опытности в делах такого рода, к этому делу они все-таки подошли кое на что надеясь и не без некоторого плана.

III. (8) Им было известно, что ты разгневан на царя Дейотара; они помнили, что он претерпел некоторый ущерб и убыток по причине твоего неудовольствия, и они знали, что поскольку ты разгневан на него, постольку им являешься другом, а так как об опасности, которой ты будто бы подвергался, они говорили бы перед самим тобой, они надеялись, что на разгневанную душу легко произведет впечатление вымышленное преступление. Поэтому, Цезарь, во имя твоих и верности, и выдержки, и милосердия сперва освободи нас от этого страха, чтобы мы не подозревали, что в тебе еще остается какая-то доля того гнева. Я заклинаю тебя этой правой рукой, которую ты — гость хозяину! — протягивал царю Дейотару, вот этой, говорю я, рукой, крепкой не столько в войнах и сражениях, сколько в обещаниях и верности! Ты захотел войти в его дом, ты захотел восстановить старинное гостеприимство¹²; тебя приняли его боги-пенаты, тебя видели алтари и очаги как друга и человека, расположенного к царю Дейотару. (9) Ты, Цезарь, обычно с легкостью склоняешься к мольбам и смягчаешься раз и навсегда. Никогда никакой недруг, добившись твоей милости, не чувствовал в тебе остатков вражды. Впрочем, кому неизвестны твои претензии к Дейотару? Ты никогда не обвинял его как своего врага¹³, но лишь как друга, недостаточно исполнявшего обязанности, потому что он предпочел дружбу с Гн. Помпеем дружбе с тобою; однако ты говорил, что простил бы его за эту вину: если бы он, отправив Помпею столь многочисленные вспомогательные отряды, или даже отправив также и сына, сам бы отказался идти, сославшись на преклонный возраст. Итак, освободив его от наиболее тяжких обвинений, ты оставил за ним незначительную провинность в дружбе. (10) И вот ты не только не наказал его, но и освободил от всякого страха, признал гостеприимцем, оставил царем; ведь его побуждала не ненависть к тебе, но он разделял всеобщую ошибку. Этот царь, которого таким именем сенат часто величал в почетнейших постановлениях, который с юности считал это сословие самым величественным и священным, был, как житель отдаленной страны и чужеземец, сбит с толку теми же самыми обстоятельствами, что и мы, рожденные в самом сердце государства и постоянно занимающиеся государственными делами.

---

¹¹ Хорошая репутация Цезаря как судебного оратора надежно засвидетельствована традицией. Сам Цицерон не раз давал высокую оценку его ораторскому искусству (см., например, *Cic. Brut.* 261; *Suet. Iul.* 55. 2 — фрагмент письма Цицерона Корнелию Непоту). О многократных выступлениях Цезаря в качестве защитника в судах сообщает Плутарх (*Caes.* 4. 4). Согласно Светонию, он был признан одним из лучших судебных ораторов Рима» (*Iul.* 55. 1). Однако судебные речи Цезаря не дошли до нас даже во фрагментах.

¹² Отношениями гостеприимства Цезарь был связан с Дейотаром со времени своего первого пребывания на Востоке.

¹³ Словом «враг» (*hostis*) обозначался враг политический, с которым надлежало вести борьбу до победного конца, в отличие от личного недруга (*inimicus*).

IV. (11) Когда Дейотар услышал, что по единодушному решению сената взялись за оружие¹⁴, что защита государства вверена консулам, преторам, народным трибунам, нам, императорам¹⁵, он пришел в замешательство, и, как человек в высшей степени дружественный нашей державе, испытал страх за благополучие римского народа, в котором, как он понимал, заключено и его собственное благополучие: однако он считал, что даже несмотря на величайший страх следует соблюдать спокойствие. Но особенно он был потрясен, когда услышал, что консулы и все консуляры бежали из Италии, — ведь так ему сообщали! — что в смятенном состоянии находится сенат в полном составе и вся Италия¹⁶; ведь вестям и слухам такого рода путь на Восток был открыт, а никакие правдивые известия за ними не следовали. Он ничего не слышал ни о твоих предложениях¹⁷, ни о стремлении к согласию и миру, ни о заговоре, который составили против твоего достоинства определенные люди¹⁸. Несмотря на такое положение дел он, однако, сохранял спокойствие до тех пор, пока к нему не прибыли письма и послы от Гн. Помпея. (12) Прости, Цезарь, прости, если царь Дейотар уступил авторитету того мужа, за которым следовали все мы; которого как боги и люди осыпали всевозможными знаками отличия, так и сам ты отметил многочисленными и величайшими¹⁹. Ведь даже если твои деяния славой затмили деяния всех прочих людей, мы не лишимся из-за этого памяти о Гн. Помпее²⁰. Сколь великим было его имя, сколь велико могущество, сколь вели-

¹⁴ Речь идет о событиях первых дней 49 г. На заседании 1 января сенат постановил, что Цезарь под угрозой объявления его врагом должен распустить свою армию. Однако дружественные ему трибуны М. Антоний и Кв. Кассий наложили на это постановление вето. Таким образом, *senatus consultum* не был принят, дело ограничилось *senatus auctoritas*, т.е. внесением суждения, которое не имело силы закона. В итоге 7 января был принят *senatus consultum ultimum*, т.е. введено чрезвычайное положение. Об этих событиях см. *Caes. BC. I. 1–6; App. BC. II. 32–33; Dio Cass. XLI. 1; Plut. Caes. 30–31; Pomp. 58–59.*

¹⁵ Цицерон воспроизводит формулу введения чрезвычайного положения. Более точную формулировку см. *Caes. BC. I. 5. 3.* В ней речь идет о «стоящих с проконсульской властью под городом». Цицерон получил императорскую аккламацию за боевые действия в Киликии в 51 г. (*Plut. Cic. 36. 6*), и 7 января находился вне Рима, дожидаясь позволения отпраздновать триумф.

¹⁶ *Ср. Cic. Phil. II. 54:* «Даже потомки наши во все века никогда не забудут: того, что консулы были из Италии изгнаны и вместе с ними Гней Помпей, украшение и светило державы римского народа. Все консуляры, у которых сохранилось еще достаточно сил, чтобы перенести это потрясение и это бегство, все преторы, претории, народные трибуны, значительная часть сената, вся молодежь, словом, все государство было выброшено и изгнано из места, где оно пребывало».

¹⁷ Сам Цезарь излагает эти условия следующим образом: «Пусть Помпей отправляется в свои провинции, пусть они оба распустят свои войска, пусть вся Италия положит оружие, пусть гражданство будет избавлено от страха, а сенату и римскому народу пусть будет представлена независимость выборов и все управление государством. Но для того, чтобы облегчить возможность этого соглашения, обставить его определенными условиями и скрепить клятвой, Помпей или должен приехать к нему сам, или согласиться на его приезд; путем личных переговоров все недоразумения будут улажены» (*Caes. BC. I. 9. 5*; пер. М.М. Покровского). *Ср.* более детальное описание в письме Цицерона к Тирону от 26 января 49 г. (*Cic. Fam. XVI. 12. 3*).

¹⁸ *Ср. Cic. Marc. 16*, где, намекая на противников Цезаря, Цицерон точно так же говорит об *insolentia certorum hominum*. Здесь имеются в виду прежде всего консулы 49 г. Г. Клавдий Марцелл и Гн. Корнелий Лентул, а также видные сенаторы, противники Цезаря: Л. Домиций Агенобарб, М. Порций Катон, М. Кальпурний Бибул и др. *Ср.* персональную характеристику, которую дает своим противникам Цезарь (*BC. I. 4. 1–4*).

¹⁹ Цезарь поддерживал предоставление Помпею чрезвычайных полномочий в 67 г., затем, во время своего консульства, способствовал прохождению законов, утверждавших распоряжения, сделанные Помпеем на Востоке, и наделение земель его ветеранов, а также выдал за него за муж свою дочь Юлию.

²⁰ Оценка Цицероном Помпея в публичных выступлениях всегда была панегирической (особенно в речи «О законе Манилия»), даже если для личных целей оратора было бы выгоднее в том или ином случае подвергнуть его критике (при этом в его переписке содержится достаточно много нелицеприятных отзывов о нем). *Ср.* характеристику Цицероном отношения к Помпею Цезаря-победителя: «Обвинение в преступлении, в безумии, в братоубийстве

ка слава в войнах разного рода²¹, сколь великие почести он имел от римского народа, сколь великие от сената, сколь великие от тебя лично — кто всего этого не знает?! Он настолько же превзошел славой предшественников, насколько сам ты затмил всех вообще. Поэтому мы с удивлением пересчитывали войны, победы, триумфы, консульства Гн. Помпея, а твои не в силах и перечислить²².

V. (13) Итак, в этой несчастной и роковой войне царь Дейотар пришел к тому, кому прежде он помогал в войнах справедливых и направленных против врагов²³, с кем он был связан не только гостеприимством, но и тесной дружбой, и при этом пришел либо как тот, кого попросили как друга, либо вызванный как союзник²⁴, либо призванный²⁵ как тот, кто привык повиноваться сенату; наконец, он пришел к беглецу, а не к преследователю, то есть чтобы разделить опасность, а не победу. Поэтому после битвы при Фарсале он ушел от Помпея: он не захотел предаваться неопределенной надежде, он посчитал, что сделал достаточно в любом случае — исполняя ли обязанности перед Помпеем, если таковые у него имелись, ошибаясь ли, если он о чем-нибудь не был осведомлен. Он направился домой и, когда ты вел Александрийскую войну²⁶, действовал сообразно с твоей пользой. (14) Он оказал помощь, предоставив свой кров и свои запасы войску славнейшего мужа Гн. Домиция²⁷; он отправил деньги

да минует Гнея Помпея после его смерти, как и многих других. Когда и кто слышал это от тебя, Цезарь? Было ли у тебя, когда ты вел войну, какое-нибудь иное стремление, кроме стремления отразить бесчестие? Чего добивалось твое непобедимое войско, как не защиты своего права и твоего достоинства? А когда ты жаждал заключить мир, то для чего ты это делал: чтобы прийти к соглашению с преступниками или же с честными гражданами?» (Сис. *Lig.* 18).

²¹ Цицерон подчеркивал это еще в 66 г.: «Была ли, наконец, какая-либо война, в которой судьбы государства не подвергли бы его испытанию? Войны гражданская, африканская, трансальпийская, испанская, война с рабами, война на море, различные и по своим особенностям и по характеру врагов, он не только вел сам, но и удачно закончил, а это доказывает, что в военном деле нет ни одной области, которая бы могла быть неизвестна этому мужу» (Сис. *Leg. Man.* 28).

²² Уже в речи «О законе Манилия» (28) Цицерон говорил, что Помпей «изучал военное искусство не по чужим наставлениям, а начальствуя сам, не на поражениях, а на победах, считая не годы службы, а триумфы». В данном случае напоминание о победах и триумфах Помпея служило для того, чтобы польстить Цезарю: ведь он далеко превзошел того, кто, как оратор неоднократно заявлял публично, одержал победу над тремя частями света, приблизил границы римского государства к границам мира (см., например: Сис. *Sest.* 67; 129; *Balb.* 16; *Prov. cons.* 31; *Dom.* 110).

²³ В данном случае восточные походы Помпея (*bella iusta hostiliaque*) противопоставляются гражданской войне (*bellum miserum fataleque*). Ср. оценку Цицероном гражданской войны в другой речи: «А мне лично, если меня спросят о подходящем и истинном названии нашего несчастья, кажется, что разразилось какое-то ниспосланное роком бедствие, овладевшее недалековидными умами, так что никто не должен удивляться тому, что человеческие помыслы были побеждены неизбежностью, ниспосланной богами» (*Lig.* 17).

²⁴ Цицерон предоставляет слушателем самим выбирать, какая из причин побудила Дейотара встать на сторону Помпея: в любом случае на основании их его невозможно обвинить в преступлении. «Как друг» подразумевает его личную дружбу с Помпеем, «как союзник» — его статус союзника римского народа.

²⁵ В данном случае Цицерон использует технический термин *evocatus* — так именовался воин, уже отслуживший свой срок военной службы, но призванный вновь во время критически опасной ситуации.

²⁶ Цезарь прибыл в Александрию в начале октября 48 г. К концу того же месяца его активное вмешательство в династическую борьбу Клеопатры VII и ее брата и соправителя Птолемея XIII привело к открытому военному столкновению. Боевые действия длились пять месяцев и закончились лишь в конце марта 47 г., после чего Цезарь оставался в Египте еще три месяца, до конца июня.

²⁷ Гн. Домиций Кальвин — консул 53 г., один из виднейших цезарианцев. Он принимал активное участие в кампании Цезаря против Помпея, а в битве при Фарсале командовал центром войска Цезаря (Caes. *BC.* II. 42. 3; III. 34. 3; 78. 4; 89. 3). В дальнейшем Цезарь отправил его в Азию для борьбы с Фарнаком, но он потерпел поражение при Никополе ([Caes.] *Bell. Alex.* 31 sq.; 65 sq.; App. *BC.* II. 91; *Mithr.* 120; Dio Cass. XLII. 46. 1–2). После смерти Цезаря поддерживал триумвиров и был удостоен триумфа за победу в Испании над восставшими церретанами (Dio Cass. XLVIII. 42. 4).

в Эфес тому самому честному и верному из твоих приверженцев, которого ты прислал²⁸. Он и во второй раз, и в третий, устроив распродажи своего имущества, дал деньги, которые ты использовал для войны. Он лично подвергался опасности и был вместе с тобой в битве против Фарнака²⁹, считая твоего врага также и своим. При этом все эти услуги были тобою, Цезарь, приняты от него, так что за них ты наделил его высочайшей почестью и именем — именем царя.

(15) Итак, доказывают, что он-то, не только освобожденный тобою от судебного преследования, но и увенчанный высочайшей почестью, хотел убить тебя в своем доме; этого ты, если только не считаешь его совершенно безумным, не можешь подозревать ни в коем случае. Ведь даже если я обойду вниманием то, что не найдется человека столь преступного, чтобы убить гостя на глазах у богов-пенатов; столь бесстыдного, чтобы погасить знаменитейший светоч всех народов и всех времен; столь необузданного, чтобы не испугаться победителя всего мира; столь бесчеловечного и неблагодарного душою, чтобы явиться в качестве тирана³⁰ тому, кто провозгласил его царем,— даже если я оставлю все это без внимания, кто будет столь безумным, чтобы всех царей, из которых многие являются ему соседями, все свободные народы, всех союзников, все провинции, короче говоря, оружие все и всех — заставить подняться против себя одного! Да ведь он немедленно был бы отторгнут царством, домом, супругой, милым сыном — если бы он не только осуществил, но даже просто задумал столь великое преступление!

VI. (16) Но скажут, полагаю, что он как человек безрассудный и легкомысленный этого в расчет не принимал. Однако кто осмотрительнее Дейотара? Кто осторожнее? Кто рассудительнее? Впрочем, я считаю, что в данном случае его следует защищать ссылкой не столько на природные качества и благоразумие, сколько на его верность и благочестивую жизнь. Тебе, Г. Цезарь, известна честность этого человека, известен нрав, известно постоянство. С другой стороны, кто из тех, кому доводилось слышать имя римского народа, не слышал о безупречности, достоинстве, доблести, верности Дейотара? Итак, преступление, которое из-за страха перед немедленной гибелью не совершил бы ни человек неразумный, ни отъявленный злодей, если только он же не является и совершенно безумным,— неужели же такое преступление, как вы это измышляете, было задумано и мужем наилучшим, и человеком вовсе не глупым? (17) Да это же не только не заслуживает веры, но даже и подозрений не стоит! «Когда,— говорит он,— ты пришел в крепость [Пейум]³¹ и остановился в доме царя, твоего гостеприимца, было некое место, в котором было сложено то, чем царь хотел тебя одарить. Туда он хотел отвести тебя из бани, прежде чем ты возляжешь за столом³²; в этом

²⁸ О ком идет речь в данном случае, неизвестно. Деньги, которые отправил Дейотар,— это те выплаты, которые Цезарь потребовал у него за поддержку Помпея, а не добровольный взнос.

²⁹ В битве при Зеле 2 августа 47 г.

³⁰ Понятие «тиран» (Цицерон употребляет именно греческое *tyrannus*), даже не имея при себе никаких определений, имело в глазах римлян гораздо более сильный негативный смысл, чем понятие «царь». Известное отрицательное отношение римлян к царской власти не мешало им чтить большую часть легендарных семи царей (строго говоря, среди них абсолютно негативен только образ Тарквиния Суперба) и признавать царские достоинства, когда речь шла о союзных царях. В данном случае Цицерон употребляет слово «тиран» не в техническом смысле, а в значении, близком к современному, для обозначения жестокого и способного на любые преступления правителя.

³¹ В рукописях здесь, как и в § 21, читается название *Lucium*. Однако место с таким именем из других источников неизвестно. В тексте Страбона упоминаются два пункта во владениях Дейотара: его столица Блукий и Пейум, где находилась царская сокровищница (Strab. XII. 5. 2. С 567). Поскольку в речи Цицерона говорится о переезде Цезаря из одного места в другое, логично предположить, что первый раз речь должна идти о Пейуме, где Дейотар вручил ему дары, а во второй — об остановке в царской резиденции (Б)лукии.

³² Омовение в бане перед обедом было римской традицией, соблюдавшейся достаточно строго. Обычно посещение бани приходилось на время между двумя и тремя часами полудни

самом месте находились вооруженные люди, которые убили бы тебя». Допустим, что вот преступление, вот на каком основании царя обвиняет беглец, господина — раб! У меня же, о Цезарь, клянусь Геркулесом, с самого начала, когда на меня возложили ведение этого дела, возникло такое подозрение насчет присланного вместе с послами врача Фидиппа, царского раба, который был подкуплен вот этим юношей: «Он подговорил стать доносчиком врача; значит, он выдумает обвинение в отравлении». Хотя это и далеко от истины, но подобные ложные обвинения — дело обычное³³. Что же говорит врач? Ничего о яде. (18) Но это преступление можно было совершить, прежде всего, в большей тайне — с питьем, с пищей; затем, можно также с большей легкостью избежать наказания, потому что, совершив его, можно это отрицать. Если бы он убил тебя открыто, он обратился бы на себя не только гнев, но и оружие всех племен; если бы извел ядом, то, хотя от всемогущего Юпитера Гостеприимца скрыть этого он никогда не смог бы, от людей он, пожалуй, скрыл бы. Значит, то, что он мог и задумать в большей тайне, и исполнить более скрытно, он и врачу умелому, и рабу, как он полагал, верно, не доверил, но не скрыл от тебя оружие, железо, засаду? (19) А как остроумно обвинение продолжается! «Тебя, — говорит он, — спасла та же самая, что и всегда, твоя удача: ты тогда отказался смотреть».

VII. А что потом? Или царь Дейотар, после того как дело не вышло, немедленно распустил войско?³⁴ Не было никакого другого места для засады? Но сказал же ты, что вернешься туда после обеда, и именно так ты и поступил. Слишком долго было удерживать в том же самом месте на протяжении одного или двух часов тех вооруженных людей, которые были там собраны? Когда ты в веселом расположении духа побыл на пиру, ты, как и обещал, пришел туда. Ты увидел, что в этом случае Дейотар был в отношении тебя таков же, каков царь Аттал в отношении П. Африканского³⁵, которому, как нам известно из истории, он прислал из Азии под самую Нуманцию³⁶ щедрые дары, принятые Африканским на глазах у войска³⁷. Когда Дейотар лично сделал это, с царственным духом и по царскому обыкновению, ты удалился в спальню.

(20) Я умоляю тебя, Цезарь, воскреси в своей памяти то время, обрати мысленный взор на тот день, припомни выражения лиц людей, взирающих на тебя с удивлением и восхищением. Был ли какой-нибудь трепет? Было ли какое-нибудь смятение? Было ли что-нибудь еще, кроме спокойствия, кроме уверенности, кроме порядка, заведенного человеком почтенным и безупречным? В таком случае, какие же причины можно изобрести тому, что он хотел убить тебя после омовения, но не захотел убивать после обеда? (21) Обвинитель заявляет: «Он перенес задуманное на следующий день, чтобы, после прибытия в крепость Лукий³⁸, там осуществить это». Я не вижу причины для изменения места преступления, но,

---

(примерно в восьмой или девятый час дня по римскому счету времени). Ср. Mart. XI. 52. 3: «Юлий ты мой Цериалий, со мной пообедаешь славно; / Коль приглашенья нет лучшего, к нам приходи. / Сможешь к восьми подоспеть; с тобой мы помоемся вместе: / Знаешь, как близко живу я от Стефановых бань» (пер. Ф.А. Петровского).

³³ В данном случае Цицерон опирается на свой опыт судебного оратора. Ср., например, подкуп раба-врача в деле Клуенция.

³⁴ Цицерон говорит о «войске» иронически, имея в виду ту группу вооруженных людей, которым было поручено убийство.

³⁵ Речь идет о Сципионе Эмилиане (Африканском Младшем).

³⁶ Нуманция — город на Пиренейском полуострове, который в 143–133 гг. был центром антиримского сопротивления в Ближней Испании. Говоря «под самую Нуманцию» (*usque ad Numantia*), Цицерон подчеркивает ее удаленность от Азии.

³⁷ Возможно, Цицерон здесь намекает на обычное поведение полководцев, утаивавших получаемые от царей подарки. Согласно Ливию, Сципион сдал подарки квестору, приказав внести в списки, чтобы потом выдавать из них награды воинам за храбрость (*Per.* 57).

³⁸ См. прим. 31.

однако, раз уж изменение места свершилось, оно используется для обвинения! Он говорит: «Когда ты сказал, что хочешь вызвать у себя рвоту после обеда³⁹, они повели было тебя в баню; ведь там была засада. Однако тебя спасла та же самая твоя удача: ты сказал, что предпочитаешь пойти для этого в спальню». Да погубят тебя боги, беглец! Ты, значит, не только дрянной и нечестный, но еще и глупый и лишенный разума человек! Как? Он поместил в засаду медные изваяния, которые невозможно было перенести из бани в спальню? Ты предъявляешь обвинение в засаде: ведь в этом и состоит все обвинение! «Я,— говорит он,— знал час». Ну и что же с того? Он был настолько безумен, что отпустил от себя того, кто знал о столь важном преступлении? Даже отправил в Рим, где, как он знает, находится и в высшей степени враждебный ему внук, и Г. Цезарь, против которого он устроил засаду,— тем более что это единственный человек, который может донести на него в его отсутствие? (22) «И моих братьев, которые были осведомлены об этом, он заключил в оковы»,— говорит обвинитель. Итак, заключив в оковы тех, которые были при нем, он невредимым отправил в Рим тебя, хотя ты знал то же самое, что и они, как ты говоришь, знали?

VIII. Остальная часть обвинения состоит из двух пунктов: один — это то, что царь всегда был настороже, так как был настроен в отношении тебе враждебно; другой — то, что он приготовил против тебя большую армию. Что касается армии, то я скажу о ней кратко, как и об остальном. Никогда царь Дейотар не имел того войска, с которым можно бы было вести войну против римского народа, но только такое, с которым он охранял свои границы от набегов и разбойничьих шаек и посылал помощь нашим полководцам⁴⁰. Однако при этом прежде он мог прокормить большое войско, а теперь едва может содержать крохотное. (23) «Но он послал было кого-то к некоему Цецилию⁴¹; а так как те, кого он посылал, не захотели идти, он бросил их в темницу». Я не спрашиваю, насколько правдоподобно и то, что у царя было кого посылать, и что те, кого он посылал, не повиновались, и что те, кто не повиновались приказанию в столь важном деле по первому слову, были всего лишь закованы в цепи, вместо того, чтобы лишиться жизни. Но, однако, посылая помощь к Цецилию, разве он не знал, что дело [помпеянцев] потерпело поражение или считал этого Цецилия значительным человеком? Конечно же, Дейотар, который очень хорошо узнал наших людей, должен был презирать его: потому ли, что не знал, или, наоборот,

³⁹ Деталь, характерная для римских застольных нравов. Поскольку роскошные обеденные пиры часто затягивались надолго, гости практиковали облегчение желудков подобным способом либо по рекомендации лучших врачей, чтобы избежать послеобеденной вялости, либо чтобы иметь возможность продолжать есть. Позже Сенека Младший выразил это афористично: *vomunt ut edant, edunt ut vomant* («они извергают пищу, чтобы есть, и едят — чтобы извергать») (*Ad Helv.* 10. 3).

⁴⁰ Цицерон смягчает обвинение в адрес своего подзащитного при помощи подмены понятий: война с Цезарем отождествляется с войной против римского народа, на которую у Дейотара и сил нет, и верность его римскому народу доказана всей предыдущей его биографией.

⁴¹ Кв. Цецилий Басс — римский всадник, личность довольно темная. В своем письме к Квинту Корнифицию, написанном в октябре 46 или 45 г., Цицерон практически дословно повторяет эту характеристику: *iste nescio qui Caecilius Bassus* (*Fam.* XII. 18. 1). Согласно Кассию Диону (XLVII. 26. 3—7), после битвы при Фарсале Цецилий бежал в Тир, собрал там остатки помпеянских войск, а также взбунтовал цезарианские легионы, находившиеся под командованием Секста Юлия, побудив их убить своего военачальника и перейти под его командование (ср. *Liv. Per.* 114). Однако, по версии Аппиана он был приставлен к легиону молодого и неопытного Секста Юлия самим Цезарем и взбунтовал армию из-за личной обиды (*App. BC.* III. 77). В дальнейшем против него были посланы легионы под командованием Л. Стация Мурка и Кв. Марция Криспа, которые блокировали его в Апамее, а после прибытия на Восток Г. Кассия последний принял под свое командование и легионы, действовавшие против Басса, и его собственные войска (*Cic. Fam.* XII. 11. 1; 12. 3; *App. BC.* IV. 58—59; *Dio Cass.* XLVII. 28. 1). Судьба самого Басса неизвестна, но судя по всему он не понес никакого наказания за свои действия (*Dio Cass.* XLVII. 28. 4).

в том случае, если знал. (24) Он добавляет также, что Дейотар послал тебе не самых лучших всадников. Я полагаю, Цезарь, что всадники эти были ничто в сравнении с твоей конницей⁴², но послал он отборных из тех, которые у него имелись. Он говорит, что кто-то из их числа опознан как раб⁴³. Не думаю, не слышал; но я считаю, что в этом, даже если оно и случилось, вины царя нет⁴⁴.

IX. А что касается враждебности тебе, в чем же она проявилась? Он надеялся, я полагаю, что тебе будет нелегко уйти из Александрии по причине преград, которые представляет природа местности и река⁴⁵. Однако в то же самое время он дал деньги, прокормил войско того, кому ты поручил Азию⁴⁶, ни в чем не оставил без помощи. После твоей победы он служил тебе не только гостеприимством, но также и подвергался опасности, и выступал вместе с тобой в боевом строю⁴⁷. (25) Последовала Африканская война⁴⁸; распространились тяжелые слухи о тебе, которые заставили восстать даже этого безумца Цецилия. Как тогда отнесся к этому царь? Он пожелал скорее быть проданным с торгов и раздетым, чем не предоставить тебе деньги. «Но в это самое время, — говорит обвинитель, — он посылал в Никею и в Эфес⁴⁹ тех, кто собирал шедшие из Африки слухи и быстро передавал ему. Поэтому, когда ему сообщили, что Домиций погиб при кораблекрушении, а ты осажден в крепости⁵⁰, он сказал о Домиции греческий стих того же самого содержания, который есть и у нас на латинском: «Да погибнут друзья, если вместе с ними пропадут и недруги»⁵¹». Этих слов он, однако, никогда не сказал бы, даже если бы был до крайности враждебен тебе:

⁴² Цицерон старается представить дело в выгодном для своего подзащитного свете, уменьшив значение и боевые качества конницы Дейотара. На самом деле конница Цезаря не была сильной: на момент прибытия в Александрию он имел 800 всадников (Caes. *BC*. III. 106. 1–2). Домицию Кальвину для борьбы с Фарнаком Дейотар предоставил 100 всадников, еще столько же дал Ариобарзан ([Caes.] *Bell. Alex.* 34. 4), причем о других кавалерийских отрядах в его армии мы не знаем ничего. Что касается боевых качеств, конница Цезаря накануне Фарсала состояла из союзных галльских контингентов (App. *BC*. II. 70), так что маловероятно, чтобы она значительно отличалась в лучшую сторону от конницы Дейотара.

⁴³ Ср. *Segv. Aen.* IX. 546: «По воинскому закону рабам военная служба запрещена. Оттого и Цицерон в речи за Дейотара, так как было выдвинуто обвинение в том, что среди всадников, посланных Дейотаром Цезарю, находился один раб, отвергает это. Известно, что рабы не несли военной службы решительно никогда, за исключением времени Ганнибала, когда после каннского поражения город Рим находился в столь отчаянном положении, что было дано позволение даже и освободить рабов». Согласно Дигестам, военная служба запрещалась рабам под страхом смертной казни (D. 49. 16. 11; Marcian. 2 *Reg.*).

⁴⁴ Войско Дейотара не было римским, а значит, римские законы на службу в нем не распространялись.

⁴⁵ Александрийская война началась в конце 48 г. Цезарь оказался блокирован в царском дворце в Александрии, так что точных известий о его положении не было до самого конца марта или начала апреля 47 г.

⁴⁶ Т.е. Домиция Кальвина.

⁴⁷ Имеется в виду участие Дейотара в войне с Фарнаком и битве при Зеле.

⁴⁸ Африканская война, борьба с остатками соратников Помпея в Африке, длилась с декабря 47 по апрель 46 г.

⁴⁹ Никея была одним из крупнейших городов Вифинии, Эфес — центром римской провинции Азии и важнейшим городом Ионии. Поскольку эти города были важными центрами торговли, в них постоянно стекалась масса народа, приносившего новости со всего Ближнего Востока.

⁵⁰ Домиций Кальвин повел войска из Азии в Африку на помощь Цезарю и по пути потерпел кораблекрушение, хотя слухи о его гибели при этом были ложными. Сам Цезарь в это время был осажден войсками Петрея и Лабиина в городе Руспине и находился в крайне тяжелом положении.

⁵¹ Цицерон цитирует стих по-латински, поскольку римские судебные ораторы избегали использовать греческий язык в своих речах. Автор латинского стиха неизвестен, возможно, перевод в данном случае принадлежит самому Цицерону. Греческий стих выражает достаточно распространенную мысль; см., например: *Plut. Mor.* 50 F; *Masag. Proverb.* IV. 12; VII. 95. Под «другом», вероятно, следует понимать Домиция, под «недругом» — Цезаря. Однако есть вероятность и того, что вместе с Домицием находились какие-то контингенты, предоставленные ему Дейотаром; в этом случае «недругом» будет сам Домиций и римская часть его войска.

ведь сам он кроткий, а стих неистовый. Однако как можно быть другом Домицию, являясь одновременно недругом тебе? С другой стороны, почему он был бы врагом тебе, который, как он помнил, утвердил в качестве царей и его самого, и его сына, хотя, пожалуй, мог бы убить его по праву войны?

(26) Что дальше? До чего доходит негодай? Он заявляет, что когда эта радостная весть стала известна Дейотару, он сверх меры напился пьяным и нагой плясал на пиру⁵². Какой крест может послужить достаточным наказанием этому беглому рабу? Кто-нибудь когда-нибудь видел ли Дейотара пляшущим или пьяным? Этот царь наделен всеми царскими добродетелями, которые, я думаю, тебе, Г. Цезарь, хорошо известны, в особенности же — единственной в своем роде и достойной удивления воздержностью; хотя, я знаю, царей не в обычае хвалить этим словом: храбрый, справедливый, строгий, величественный, великодушный, щедрый, благодетельный, милостивый — все это похвалы царю, а та — частному человеку. Пусть каждый понимает как хочет; я же воздержность, то есть умеренность и скромность, считаю величайшей добродетелью⁵³. В нем она со времени его молодости была ясно видна и признана как всей Азией, как нашими магистратами и послами, так и римскими всадниками, ведущими в Азии дела. (27) Он, со своей стороны, восходил к этому царскому имени благодаря длинному и постепенному ряду услуг нашему государству; но даже всякий раз, как он отдыхал от участия в войнах, которые вел римский народ, он не прекращал общения, дружбы, деловых отношений с нашими людьми, так что считался не только знатным тетрархом, но и наилучшим отцом семейства, и прилежнейшим земледельцем и скотоводом⁵⁴. Итак, он, который будучи юношей, еще не окруженным столь великой славой, не делал ничего, кроме серьезного и значительного, — он плясал при его репутации и в его возрасте?

X. (28) Ты, Кастор, должен скорее подражать нравам и обыкновению деда, чем хулить наилучшего и славнейшего мужа устами беглого раба. Потому что даже если бы у тебя был дед-танцор, а не этот муж, который считается образцом целомудрия и стыдливости, такое злословие менее всего подобает по отношению к его возрасту. Тех умений, которым он обучился на рассвете жизни, — не

⁵² В данном случае слова Цицерона не следует понимать буквально: совершенно невероятно, чтобы Дейотар обнажился полностью. Скорее речь идет о нарушении определенных приличий, отсутствии верхней одежды или чем-то подобном. У римлян на пиру иногда присутствовали танцоры и танцовщицы, но занятие это считалось недостойным свободного человека. Ср. Cic. *Mur.* 13: «Плясуном называет Луция Мурену Катон. Даже если этот упрек справедлив, то это — бранное слово в устах яростного обвинителя; но если он не заслужен, то это — брань хулителя. Поэтому ты, Марк, пользуясь таким авторитетом, не должен подхватывать оскорбительные выкрики на перекрестках или брань фигляров и необдуманно называть консула римского народа плясуном; следует подумать, какими иными пороками должен страдать тот, кому можно по справедливости бросить такой упрек. Ибо никто, пожалуй, не станет плясать ни в трезвом виде, разве только если человек не в своем уме, ни наедине, ни на скромном и почетном пиру. Нет, напротив, на рано начинающихся пирушках наслаждения и многочисленные развлечения под конец сопровождаются пляской».

⁵³ Ср. Cic. *Tusc.* III. 16–17: «Сходным образом можно сказать и об умеренности (*temperantia*) — той добродетели, которую греки называют *σωφροσύνη* от слова *σῶφρος*, а я — то умеренностью, то сдержанностью, а иной раз скромностью. Не знаю только, можно ли называть это качество “годностью” (*frugalitas*), потому что у греков это слово имеет более узкий смысл — “полезность для чего-либо” (*χρησιμότης*). Наше слово шире — оно включает такие понятия, как воздержание, незлобность (то есть нежелание никому другому вредить...). ...Наше слово “годность” обнимает... мужество, справедливость и разумность, — ибо во всех добродетелях есть нечто общее, все они связаны и сопряжены между собой, — а само по себе это слово означает четвертую добродетель, “годность”. Вот что к ней относится: движения души, стремящейся размерять и умерять, украшающей похоть, блюдушей в каждом деле сдержанное постоянство; а противоположный этому порок называется “негодностью»» (пер. М.Л. Гаспарова).

⁵⁴ Варрон (*RR.* I. 1. 10) упоминает о получении Дейотаром от его «друга» Диофана сокращенного изложения трактата о сельском хозяйстве карфагенянина Магона.

плясок, а умения хорошо владеть оружием, превосходно — конем! — ему уже не достает на ее закате. Поэтому Дейотара, хотя многие поддерживали его на коне, чтобы, будучи стариком, он мог крепко сидеть на нем, мы привыкли уважать. Этот же юноша, который был моим воином в Киликии⁵⁵, соратником в Греции⁵⁶, когда в том нашем войске скакал верхом с отборными всадниками, которых вместе с ним отец прислал Помпею, — какая толпа любопытных вокруг него обыкновенно собиралась! Как он важничал, как хвастался, как не уступал никому в том деле своим усердием и честолюбием!⁵⁷ (29) А когда войско было утрачено и я, который всегда был сторонником мира⁵⁸, после битвы при Фарсале советовал не просто сложить, а бросить оружие⁵⁹, — я не мог подчинить его моему авторитету, потому что и сам он пылал жадной этой войны, и считал, что необходимо как следует исполнить приказания его отца. Счастлив вот этот дом, который обрел не только прощение, но и право обвинения, несчастлив Дейотар, который, хотя и сражался на той же самой стороне, обвиняется одновременно и перед тобой, и своими родственниками. Неужели же вы⁶⁰, Кастор, не можете сохранять свое счастье, не навлекая несчастий на родных?

XI. (30) Ну что же, пусть будут неприязненные отношения, которых быть не должно — ведь царь Дейотар вашу семью, низкого происхождения и неизвестную, вывел из мрака к свету: кто слышал о том, кто такой твой отец, до того как узнали, чей он зять? — но, хотя вы нечестиво и неблагодарно отвергаете долг родства, однако вы могли жить во вражде в соответствии с нравами людей, а не преследовать вымыслом о преступлении, не посягая на его жизнь, не обвинять в уголовном преступлении. Хорошо, извиним также и эту жестокость и силу ненависти, но неужели нужно доводить ненависть до того, чтобы совершить насилие над всеми правами общежития и безопасности, и даже над человеческой природой? Соблазнять раба словами, развращать надеждой и обещаниями, уводить из дома, вооружать против господина — это значит объявлять нечестивую войну не только собственной, но и всем остальным семьям⁶¹. Ведь если это развращение раба не только останется безнаказанным, но и получит одобрение со стороны столь влиятельного лица, не сохранятся никакие опоры нашей безопасности, никакие законы, никакие права; ведь как только то, что находится внутри нашего дома и принадлежит нам, безнаказанно сможет исчезать и бороться против нас, в рабстве будет господство, а в господстве — рабство. (31) О времена, о нравы!⁶² Тот Гн. Домиций⁶³, которого мы в детстве виде-

⁵⁵ Кастор привел отряд конницы в войско Цицерона во время его наместничества в Киликии (51–50 гг.).

⁵⁶ Имеется в виду участие в Фарсальской кампании на стороне Помпея.

⁵⁷ Подчеркивая усердие Кастора, Цицерон тем самым пытается бросить на него тень перед Цезарем: если Дейотар покинул лагерь Помпея при первой же возможности, то Кастор стремился к продолжению войны.

⁵⁸ Ср. *Cic. Marc.* 14: «Даже во время этой войны я всегда полагал, что нужно выслушивать мирные предложения, и всегда скорбел из-за того, что не только мир, но даже и речи граждан, требовавших мира, отвергались. Ведь сам я в гражданской войне никогда не принимал участия — ни на той, ни вообще на какой бы то ни было стороне, и мои советы всегда были союзниками мира и тоги, а не войны и оружия».

⁵⁹ Ср. слова Цицерона в одном из писем: «Если оружие будет сложено на основании условия, либо отброшено вследствие усталости, либо отнято ввиду победы, и государство переведет дух, то тебе будет дозволено наслаждаться и своим достоинством и имуществом» (*Cic. Fam.* VI. 2. 2).

⁶⁰ «Вы» относится ко всей семье Кастора.

⁶¹ Поскольку римская *familia* включала также рабов, донос раба на хозяина рассматривался как создание прецедента для покушения на *patria potestas* и в силу этого как потенциальная угроза всем семьям.

⁶² Цицерон употреблял это выражение для выражения крайнего негодования и в более ранних речах: *Cat.* I. 2; *Verr.* II. 4. 56; *Dom.* 137.

⁶³ Гн. Домиций Агенобарб — плебейский трибун 104 г., консул 96 г., цензор 92 г.

ли консулом, цензором, великим понтификом, будучи плебейским трибуном, вызвал на суд народа⁶⁴ М. Скавра, принцепса государства⁶⁵; и вот, когда к нему домой тайно пришел раб Скавра, заявивший о своей готовности предоставить ему улики против господина, он приказал схватить его и выдать Скавру. Погляди, какое различие — хотя и нелепо сравнивать Кастора с Домицием! Но тот, однако, вернул раба недругу, а ты увел у деда; тот не захотел слушать раба неподкупленного, а ты подкупил; тот отверг помощь раба против господина, а ты даже употребил в качестве доносчика! Да и разве только раз он был подкуплен вами? (32) После того как он был уведен и находился с тобой некоторое время, не вернулся ли он к послам? Не пришел ли к этому вот Гн. Домицию?⁶⁶ Не признал ли — как слышали вот этот Сервий Сульпиций⁶⁷, который тогда случайно обедал у Домиция, и вот этот Т. Торкват⁶⁸, наилучший юноша, — что он подкуплен тобой, что его побудили к преступлению твои обещания?

ХII. Что за столь сильная, столь жестокая, столь лишенная меры бесчеловечность с твоей стороны? Ты затем и пришел в этот город, чтобы погубить все законы и образцы для подражания⁶⁹, существующие в нем, и варварской свирепостью своей страны осквернить человеколюбие нашего города?

(33) А сколь тщательно обвинения были собраны! «Блесамий, — говорит он (ведь именем этого человека, превосходного и тебе известного, он воспользовался, чтобы тебя поносить), — обычно писал ему, что ты являешься предметом ненависти, считаешься тираном⁷⁰, вызвал в душах людей сильное неудовольствие, поместив свою статую среди изображений царей⁷¹, что обычно тебе не рукоплещут»⁷². Неужели ты, Цезарь, не понимаешь, что он собрал эти городские пересуды у твоих недоброжелателей? Неужели Блесамий написал бы, что Цезарь тиран? Ну конечно, он видел головы многих граждан⁷³, многих замученных, высеченных, убитых по приказу Цезаря, много снесенных и разоренных

⁶⁴ То есть, так как он был плебейским трибуном, на суд трибутных комиций. Об этом эпизоде см. Cic. *Scaur.* Fr. 3; Ascon. *Scaur.*, p. 21 Clark; Val. Max. VI. 5. 5; Dio Cass. XXVII. 92.

⁶⁵ М. Эмилий Скавр — претор 119 г., консул 115 г., цензор 109 г. С его именем связано сооружение Эмилиевой дороги и Мульвийского моста. Скавр являлся принцепсом сената, поэтому Цицерон распространяет его первенство на всю римскую гражданскую общину, именуя его *princeps civitatis*. В дальнейшем так же характеризует его Плиний Старший (*NH.* XXXVI. 116).

⁶⁶ Гн. Домицию Кальвину.

⁶⁷ Сервий Сульпиций Руф, консул 51 г., один из крупнейших юристов своего времени.

⁶⁸ Лицо, ближе не известное.

⁶⁹ *Iura* — нормы писаного права, в противоположность *exempla* — нормативным образцам для подражания, которыми руководствовались римляне в своем социальном поведении. Обычно они отсылали к нравам предков (*mos maiorum*), и их основное ядро составляли легендарные поступки и слова из времен ранней римской истории. Но набор *exempla* был открытым и постоянно пополнялся, как это демонстрирует, например, излагаемая Цицероном история Домиция и Скавра.

⁷⁰ Ср. выше, § 15.

⁷¹ Ср. Suet. *Iul.* 76. 1. Согласно Кассию Диону, статуи семи римских царей и первого консула Брута находились на Капитолии. Статуя Цезаря знаменательным образом оказалась рядом со статуей Брута (Dio Cass. XLIII. 45. 3–4).

⁷² Рукоплескания были обычным для римлян способом выражения чувств. Ср. Cic. *Sest.* 115: «Проявление чувств в комициях и на народных сходках бывает иногда искренним, а порой лживым и продажным; собрания же в театре и во время боев гладиаторов, вследствие легкомыслия некоторых людей, говорят, вообще сопровождаются купленными рукоплесканиями, скудными и редкими, причем, как это бывает, все же легко понять, чьих рук это дело и каково мнение не подкупленного большинства. Стоит ли мне теперь говорить, каким мужам и каким гражданам рукоплещут более всего? Ни один из вас не заблуждается на этот счет. Пусть эти рукоплескания — сущие пустяки (впрочем, это не так, коль скоро ими награждают всех честнейших людей); так вот, даже если это и пустяки, то это пустяки для человека достойного, но для того, кто придает значение ничтожнейшим вещам, кто считается с молвой и, как они сами говорят, зависит от благоволения народа и руководствуется им, рукоплескания, разумеется, означают бессмертие, а свист — смерть».

⁷³ Имеется в виду обычай выставлять головы казненных перед рострами, вошедший в обиход во времена первой гражданской войны в Риме.

домов, форум, заполненный вооруженными воинами! Что мы всегда испытывали после победы в гражданской войне⁷⁴, этого мы не видели после твоей победы. (34) Ты, Г. Цезарь, говорю я, единственный человек, который после победы не убил никого, кроме вооруженных. И тот, в ком мы, люди свободные, рожденные в полнейшей свободе римского народа, видим не только не тирана, но милосерднейшего после победы полководца⁷⁵, — тот Блесамию, который живет под неограниченной властью царя, может казаться тираном? А о статуе нечего и говорить, тем более об одной-единственной, когда он видит столь многие! Конечно же, следует завидовать статуям того, чьим трофеям мы не завидуем! Зато если зависть вызывает место, то по крайней мере нет для статуи никакого места почетнее ростра⁷⁶. А что я могу сказать о рукоплесканиях? Ты никогда не нуждался в них, и иногда, когда люди приходили в изумление от твоих успехов, они, охваченные этим удивлением, смолкали сами собой, и их не бывало, быть может, потому, что ничто общепринятое не может казаться достойным тебя⁷⁷.

XIII. (35) Я думаю, что ничего не оставил без внимания, но кое-что важное припасено мною и для завершающей части процесса. Зачем это? Чтобы моя речь окончательно примирила тебя с Дейотаром. Я ведь уже уверен, что ты не разгневаешься на него, я опасаясь, чтобы ты не подумал, что он питает к тебе какую-то злобу: это, поверь мне, Цезарь, далеко от истины. Ведь он помнит о том, что приобрел с твоей помощью, а не о том, что утратил; не думает он и, что обижен тобою, но так как ты считаешь себя обязанным вознаградить многих и за многое, он охотно позволил взять кое-что у него, который принадлежал к другой партии⁷⁸. (36) Ведь даже если прославленный Антиох Великий, царь Азии⁷⁹, после того как был окончательно побежден Л. Сципионом⁸⁰ и ограничен в своих

⁷⁴ Ср. риторическое описание ужасов первой гражданской войны у Флора: «Из Африки возвратился Марий, возвеличенный несчастьями. Тюрьма, цепи, бегство, изгнание сделали его внушающим страх... Они по сигналу немедленно принялись за убийства первых граждан и действовали даже с большей жестокостью, чем это было в городе пунийцев... Консулы Марий Младший и Карбон, потеряв веру в победу, совершили возлияние кровью сенаторов, чтобы не погибнуть неотомщенными. Курия была осаждена, и сенаторов выводили оттуда на казнь, как из тюрьмы. А сколько было смертей на форуме, в цирке и в сокровенных местах храмов! ...Можно ли подсчитать общее число убитых во всем городе? Убивал, кто хотел... Можно еще примириться с наказанием отдельных людей, но были пушены с молотка знаменитейшие муниципии Италии... Сульмон, древний город, союзный и дружественный нам — о злодеяние! — Сулла не завоевал, не разрушил по праву войны, но обошелся как с приговоренным к смерти — приказал уничтожить» (Flor. II. 9, 10, 13, 21, 25, 27; пер. А.И. Немировского).

⁷⁵ Цицерон здесь противопоставляет печальному опыту первой гражданской войны знаменитую политику *clementia Caesaris*, которую тот осознанно проводил с самого начала гражданской войны. Ср. слова самого Цезаря в письме к Г. Оппию и Л. Корнелию Бальбу: «Пусть это будет новый способ побеждать — укрепляться состраданием и милосердием» (Cic. Att. IX. 7c. 1–2).

⁷⁶ Цицерон здесь искусно меняет смысл обвинения: вместо того чтобы говорить о помещении статуи Цезаря среди царей, он ведет речь о том, что статуя эта была не единственная и место, где она находилась, не может быть предметом зависти, поскольку в честь Цезаря ставились статуи в гораздо более почетном месте — рядом с рострами. Согласно сообщению Кассия Диона, у ростра находились две статуи Цезаря: одна, увенчанная *corona civica*, была посвящена ему как спасителю римских граждан, вторая, в *corona obsidionalis*, — как спасителю всего города (Dio Cass. XLIV. 4. 5).

⁷⁷ Цицерон лукавит: появление в июле 45 г. статуи Цезаря среди статуй богов, рядом с Викторией, было встречено молчанием. Ср. Cic. Att. XIII. 44. 1: «...шествие противное... Но народ прекрасен, раз из-за дурного соседа не рукоплещут даже Победе». Однако оратор, понимая истинную причину молчания народа, придает ей совершенно иной смысл.

⁷⁸ Речь идет в первую очередь о передаче Малой Армении Ариобарзану и тетрархии трокмов Митридату Понтийскому.

⁷⁹ Азия в данном случае — вся территория царства Антиоха, от Ионии до Инда, в противоположность более узкому значению.

⁸⁰ Л. Корнелий Сципион, как считается, был номинальным командующим римской армией, которой фактически руководил его более знаменитый и талантливый брат Публий. Антиох потерпел поражение в битве при Магнесии у Сипила в 190 г.

владениях Тавром⁸¹, а всю ту Азию, которая ныне является нашей провинцией, утратил⁸², имел обыкновение говорить, что римский народ был с ним очень добр, потому что, освободившись от чрезмерных забот правления, он наслаждается скромными размерами царства, — гораздо легче может утешиться Дейотар: ведь тот понес наказание из-за своего безумного предприятия⁸³, а этот — из-за своей ошибки. Ты, Цезарь, все возместил Дейотару, когда признал и за ним самим, и за его сыном царское имя. Поскольку это имя сохранено и утверждено за ним, он считает, что его не лишили никакой милости римского народа, и мнение о нем римского сената ничуть не изменилось к худшему. Он наделен великим и возвышенным духом, и никогда не уступит ни врагам, ни даже ударам судьбы. (37) Он считает, что и прежними деяниями стяжал многое, и в своей душе и доблести имеет то, чего невозможно лишить никоим образом. Ибо какие превратности судьбы, или какая несчастная случайность, или сколь великая несправедливость смогли бы лишить значения относящиеся к Дейотару постановления всех императоров? Ведь ему, после того как он по возрасту смог нести военную службу, оказывали почести все, кто вел войны в Азии, Каппадокии, Понте, Киликии, Сирии. А касающиеся его решения сената — столь многочисленные и столь почетные, которые были записаны в государственных документах и вырезаны на памятниках, воздвигнутых римским народом, — неужели же когда-нибудь время разрушит их или о них совсем забудут? А зачем мне говорить о его доблести? О величии духа, серьезности, постоянстве? Все они, как говорят философски образованные люди, являются высшим, а с точки зрения некоторых — и единственным, благом⁸⁴, и ими доблесть направляется не только к хорошей, но даже к блаженной жизни. (38) Он, взвешивая все это и обдумывая денно и нощно, не только не раздражен на тебя (ведь в этом случае он был бы не только неблагодарным, но и безумным), но всю обретенную им безмятежность и покоя, которым он пользуется в старости, связывает с твоим милосердием.

XIV. Но каким бы ни было его настроение раньше, я не сомневаюсь, что по крайней мере после твоего письма, данного тобою для него в Тарраконе⁸⁵ вот этому самому Блесамию, копию которого я читал, он еще больше воспрянул духом и освободился от всякого беспокойства: ведь ты обнадежил его и приказал сохранять хорошее расположение духа — а я знаю, что обычно ты не пишешь этого попусту. Я же помню, что почти теми же самыми словами ты написал и мне, и твое письмо обнадежило меня не напрасно⁸⁶. (39) Хотя я занимаюсь защитой царя Дейотара, с которым меня соединили дружбой интересы государства, связала гостеприимством взаимная симпатия, тесно сблизило общение,

---

⁸¹ Тавр — горная цепь, которая отделяла Азию от Сирии. Таким образом, владения Антиоха были сведены к территориям, которые лежали южнее этого хребта.

⁸² Владения Антиоха Великого в Малой Азии были переданы союзникам Рима: пергамскому царю Евмену и Родосу.

⁸³ То есть из-за войны с Римом, которую он начал.

⁸⁴ Цицерон имеет в виду учения перипатетиков (высшее благо) и стоиков (единственное благо).

⁸⁵ Тарракон — город в Испании, к северо-востоку от устья реки Ибер. После победы Цезаря над сыновьями Помпея при Мунде (17 марта 45 г.) к нему туда явились послы из разных мест с поздравлениями по случаю победы. Одним из таких послов и был присланный Дейотаром Блесамий.

⁸⁶ Ср. *Cic. Lig. 7*: «Когда война вспыхнула, Цезарь, и когда она уже некоторое время велась, я без какого-либо принуждения, сознательно и добровольно выехал к вооруженным силам, двинутым против тебя. И перед чьим лицом я это говорю? Да перед тем, кто, зная это, все же еще до того, как увиделся со мной, возвратил меня государству; кто написал мне из Египта, чтобы я оставался тем же, кем был ранее; кто, сам будучи единственным императором во всей державе римского народа, согласился на то, чтобы я был вторым; благодаря кому я, получив от присутствующего здесь самого Гая Пансы это распоряжение, сохранял предоставленные мне увитые лавром ликторские связки, доколе сочту нужным их сохранять; кто решил даровать мне спасение не иначе, как сохранив за мной знаки моего достоинства».

в самые же близкие отношения поставили его великие услуги мне и моему войску, я стараюсь не только для него, но и для многих славнейших мужей, которых ты уже раз и навсегда прости, чтобы не ставились под сомнение твои милости, чтобы не пребывало в душах людей постоянное беспокойство, чтобы не случилось так, что начал бы бояться хоть кто-нибудь из тех, кто однажды был избавлен тобою от страха. (40) Мне не следует изыскивать способ, как пробудить твое, Г. Цезарь, милосердие при помощи какого-либо ораторского приема, как обыкновенно бывает в столь важных уголовных делах. В этом нет никакой надобности: оно само, не вызванное никакой речью, обычно спешит навстречу молящим и злополучным. Представь себе двух царей и поразмысли над тем, чего не можешь узреть глазами. Ты, конечно, уступишь чувству милосердия все то, в чем наотрез отказал чувству гнева. Много памятников твоей снисходительности, но более всего свидетельствует о нем благополучие тех людей, которым ты даровал спасение. Если это приносит славу и тогда, когда совершается по отношению к частным лицам, то тем более прославит подобное отношение к царям. Имя царя всегда было свято в этом государстве⁸⁷, но имя царей-союзников и друзей — священнейшее.

XV. (41) Эти цари боялись утратить свой титул после твоей победы: но если уж он подтвержден и утверждён тобою, они твердо надеются передать его своим потомкам. Своей жизнью ручаюсь тебе за царей эти царские послы — Гиерас, Блесамий и Антигон, уже давно знакомые и тебе, и всем нам, и не менее верный и доблестный Дорилай, который недавно прибыл к тебе как посол вместе с Гиерасом, люди, которые и царям являются близкими друзьями, и, надеюсь, приемлемы для тебя. (42) Расспроси Блесамия, писал ли он царю что-нибудь, направленное против твоего достоинства. Гиерас же принимает на себя все обвинения и в вышеуказанных преступлениях выставляет себя вместо царя в качестве ответчика. Он слезно взывает к твоей памяти, которая является превосходной; он утверждает, что не отходил от тебя ни на шаг, когда ты был в тетрархии Дейотара; он говорит, что поступил в твое распоряжение, как только ты пересек границу и сопровождал тебя до самого конца твоего пребывания; он был с тобой, когда ты вышел из бани; когда ты, пообедав, рассматривал те дары, когда ты лег в спальне, и точно так же неотлучно он находился при тебе на следующий день. (43) Поэтому, если что-нибудь из того, что составляет предмет обвинения, было задумано, он не возражает, чтобы за это преступление ты судил его. Поэтому, Г. Цезарь, я хотел бы, чтобы ты ныне огласил свой приговор: ожидает ли царей самая жалкая гибель с величайшим позором или же безупречная слава вместе со спасением. Желать первого из этих решений свойственно жестокости этих вот обвинителей, стремиться же ко второму есть свойство твоего милосердия.

---

⁸⁷ Речь идет не о царях вообще, а о царях, являвшихся союзниками римского народа.